

I. БЛИЖНИЙ ВОСТОКЪ *).

(Изъ поѣздки въ Святую Землю, Египеть и Грецію учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній гор. Саратова).

Вдали, черезъ дорогу, въ этомъ мѣстѣ представляющую изъ себя лощину среди небольшихъ каменистыхъ возвышенностей, видна была другая маленькая горка, желтоватаго цвѣта. На этой послѣдней, по преданію, находилась Пресвятая Дѣва въ то время, когда іудеи побивали камнями перваго христіанскаго мученика, Архидіакона Стефана. Молясь объ укрѣпленіи въ подвигъ святаго первомученика, Богоматерь въ то же время молилась объ обращеніи ко Христу гонителя Савла. Первомученика побивали на первомъ, указанномъ выше, возвышеніи. Юноша Савль, впоследствии св. Апостолъ Павелъ, стоялъ здѣсь же и держалъ одежду побивающихъ св. Архидіакона Стефана.

Отсюда мы скоро пришли къ мѣсту, находящемуся недалеко отъ арки, перекинутой съ одной стороны улицы на другую. Эта арка называется: „Се человекъ“. Отсюда, по мнѣнію католиковъ, не вполнѣ, правда, оправдываемому послѣдними раскопками близъ судныхъ воротъ, начинается крестный путь Господа Іисуса Христа (у латинянъ *via dolorosa*).

Прежде, чѣмъ говорить объ этомъ пути и посѣщеніи его нами, скажемъ о крестѣ Господа Іисуса Христа и его изображеніи. Этотъ вопросъ, о формѣ креста, имѣетъ важное практическое значеніе для русской церкви.

Можетъ быть какойнибудь ревнитель старины, полагающій суть религіи во внѣшности и обрядности, прочтетъ эти строки, можетъ быть послѣ прочтенія онъ будетъ имѣть болѣе правильное понятіе о томъ, какую форму креста надлежитъ считать болѣе древнею и слѣдуетъ ли вообще обрядовую сторону религіозной жизни ставить выше догматической.

Мы считали бы цѣль помѣщенія настоящей замѣтки достигнутою, если бы намъ удалось пролить, хотя слабый, лучъ истины на этотъ, оказавшійся у насъ, русскихъ, весьма важнымъ, вопросъ о формѣ креста. Поэтому прежде, чѣмъ пойти по крестному пути Господа, мы и скажемъ о формѣ креста Господня.

Изъ рассказовъ церковныхъ писателей IV в. объ обрѣтеніи Креста Христова св. царицей Еленой, видно, что онъ ничѣмъ не отличался отъ крестовъ, двухъ распятыхъ вмѣстѣ съ Господомъ разбойниковъ.

Какъ орудіе казни въ древнемъ мірѣ, крестъ въ разныхъ частяхъ римской имперіи былъ неодинаковой формы: иногда крестъ-вертикально утвержденный въ землѣ брусъ изъ бревна, иногда — два бруса, сложенныхъ на подобіе знака умно-

женія × (*crux decussata*, позже крестъ бургундскій), иногда — два бруса, изъ которыхъ одинъ, болѣе длинный, утверждался вертикально въ землѣ, а другой, меньшій, прикрѣплялся къ нему горизонтально, такъ что крестъ походилъ на букву т (Египетская форма креста, *crux commissa vel patibulata*, разбойничій крестъ, крестъ Антоніевскій).

Иногда горизонтальная часть креста прикрѣплялась не поверхъ вертикальнаго бруса, а нѣсколько ниже, такъ что крестъ получалъ видъ четырехконечнаго (*crux immissa vel capitala*).

По мнѣнію большинства ученыхъ, принадлежностями креста той и другой формы были: сѣдалище (*sedile*) — кусокъ дерева въ видѣ рога, вставленный въ продольный брусъ спереди, посрединѣ, такъ что распятый опирался на него или сажался верхомъ (отсюда выраженія *cruce sedere*, *cruce inequitare*) и подножіе (*suppedaneum*) — кусокъ дерева, о который опирались ноги распятаго.

Надъ головою казнаго большею частію прикрѣплялась дощечка, на которой обозначалось преступленіе распятаго. Если эта дощечка и подножіе выступали за продольныя грани вертикальнаго бруса, крестъ оказывался семиконечнымъ или восьмиконечнымъ; если ни дощечка, ни подножіе не выступали за грани бруса, крестъ былъ четырехконечнымъ; наконецъ, если за грани выходило только одно подножіе или одна дощечка, крестъ былъ пятиконечнымъ или шестиконечнымъ.

Данныя для сужденія о томъ, какую изъ указанныхъ формъ имѣлъ крестъ Іисуса Христа, содержатся отчасти въ письменныхъ свидѣтельствахъ Отцевъ церкви и церковныхъ писателей, отчасти въ вещественныхъ памятникахъ христіанской древности.

Апостолъ Варнава въ своемъ посланіи, при объясненіи словъ пророка Іезекіиля (IX, 4): „сказалъ Господь пройди посреди града (Іерусалима) и изобрази тау на лицахъ всѣхъ болѣзнующихъ о беззаконіяхъ“, говоритъ „въ буквѣ тау (Т) ты имѣешь крестъ“.

Тертуллианъ говоритъ: греческая буква тау, а наша (латинская) Т. есть образъ креста.

„Каррикатурное языческое изображеніе распятія, относящееся къ половинѣ III в. и найденное въ 1857 г. при раскопкахъ Палатинскаго холма въ Римѣ, имѣетъ также форму *crux commissa*, но гораздо большее количество письменныхъ свидѣтельствъ и вещественныхъ памятниковъ говорятъ въ пользу формы *crux immissa* —

Ириней Ліонскій и Іустинъ философъ говорятъ о крестѣ пятиконечномъ.“

По словамъ Нонна, Іисусъ Христосъ умеръ на древѣ четырехконечномъ.

Герасимъ сравниваетъ крестъ Іисуса Христа съ летающею птицею, Іустинъ съ Моисеемъ, распростершимъ руки на молитву: эти сравненія

*) Продолженіе, см. № 20 „С. Д. В.“.

также указывают на четырехконечную форму креста.

Исѣе всѣхъ свидѣтельство блаженнаго Августина (IV в.): „была широта, въ которую простерты были руки, длина, поднимающаяся отъ земли, на которой пригвождено было тѣло, высота, выдающаяся вверхъ надъ поперечною перекладиною“.

Такъ какъ знакъ Γ былъ не только буквой алфавита греческаго и латинскаго, но у древнѣйшихъ народовъ вообще, и въ частности у египтянъ, также эмблемой счастья и радости, то весьма вѣроятно, что онъ былъ заимствованъ христианами у египтянъ, какъ эмблема будущей, загробной, блаженной жизни и что его изображенія, встрѣчающіяся преимущественно на христіанскихъ гробницахъ, вовсе не означаютъ собою креста Иисуса Христа.

О томъ, что кромѣ дощечки, съ надписью на трехъ языкахъ: „Иисусъ Назарянинъ, царь іудейскій“, на крестѣ Иисуса Христа находилось и сѣдалище и подножіе, свидѣлствуютъ Тертуліанъ, Иринеи, Іустинъ философъ, Григорій Турскій; но выходили ли они своими концами за грани вертикальнаго бруса, этотъ вопросъ до сихъ поръ остается не разрѣшеннымъ.

Кресты вообще не были большой вышины, но бывали и исключенія. Крестъ Амана (кн. Эсфирь 7, 9) имѣлъ вышины 50 локтей; Светоній говоритъ о Гальбѣ, что онъ распиналъ осужденныхъ на высокихъ крестахъ. Златоустъ и Ноннъ говорятъ, что „Господь распятъ былъ на высокомъ дрѣвѣ“, болѣе высокимъ, чѣмъ кресты распятыхъ съ Нимъ разбойниковъ, чрезъ что исполнилось пророчество Его „когда вознесенъ буду отъ земли (на крестѣ), всѣхъ привлеку къ себѣ“. Однако крестъ Господень едва ли былъ настолько высокъ, чтобы нельзя было прочесть бывшую на немъ надпись. Когда Иисусъ Христосъ возгласилъ „жажду“, то одинъ изъ воиновъ поднесъ къ Его устамъ напоенную искусомъ губку, утвержденную на трости иссопа; а эта трость, судя по обыкновенному росту иссопа, не могла быть длиннѣе двухъ футовъ. На основаніи этихъ данныхъ думаютъ, что крестъ Христовъ возвышался надъ землею приблизительно на два обыкновенныхъ мужскихъ роста.

Что онъ не былъ очень великъ и тяжелъ, объ этомъ свидѣлствуетъ несеніе его до Голгофы однимъ лицомъ, — сначала Самимъ Распинаемымъ, потомъ Симономъ Киринейскимъ.

Хотя распятія части прикрѣплялись къ кресту лишь веревками, но Иисусъ Христосъ былъ несомнѣнно пригвожденъ (Іоан., 20, 25—27), вѣроятно-четырьмя гвоздями: двумя по рукамъ и двумя по ногамъ (а не объ ноги однимъ гвоздемъ, какъ иногда, начиная съ 13 вѣка, изображается Распятіе на западныхъ картинахъ и иконахъ).

Съ распинаемыхъ обыкновенно совлекались

одежды (Лук. 25, 24), но, по мнѣнію большинства изслѣдователей, на Иисусѣ Христѣ было оставлено препоясаніе по чресламъ. Объ этомъ прямо свидѣлствуетъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ христіанской литературы—апокрифическое евангеліе Никодима.

Многіе ученые, вслѣдъ за Оригеномъ и Тертуліаномъ, думаютъ, что Иисусъ Христосъ былъ распятъ въ томъ вѣнкѣ (изъ шиповника *Lucium spinosum*), который былъ возложенъ Ему на главу еще на судилищѣ.

Съ давнихъ поръ существуетъ мнѣніе, что Крестъ Иисуса Христа былъ составленъ изъ разныхъ видовъ дерева: продольный брусъ изъ кипариса, поперечный изъ финиковаго дерева, подножіе изъ кедра, дощечка съ надписью—изъ масличнаго дерева.

Видоизмѣненіемъ этого мнѣнія является убѣжденіе русскихъ старообрядцевъ, что крестъ Христа былъ сложенъ изъ певга, кипариса и кедра. Такое мнѣніе, выраженное въ разныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ и въ произведеніяхъ нашей устной народной словесности, не имѣетъ основаній ни въ древнихъ письменныхъ свидѣльствахъ, ни въ вещественныхъ памятникахъ древности, но отчасти оправдывается существующимъ донинѣ въ Іерусалимѣ преданіемъ.

Крестъ, какъ орудіе спасенія міра Иисусомъ Христомъ, былъ предметомъ величайшаго чествованія у христіанъ съ самаго начала церкви. У отцевъ церкви это чествованіе называется апостольскимъ преданіемъ. Въ первые три вѣка оно относилось къ области *disciplinae arcanae*, т. е. къ кругу тѣхъ христіанскихъ вѣрованій и обрядовъ, которые хранились въ тайнѣ отъ язычниковъ. Язычники, впрочемъ, знали о немъ, потому что отдѣльные лица изъ христіанъ имѣли мужество открыто исповѣдывать Крестъ.

По разсказу Понтія, біографа св. Кипріяна Карфагенскаго, въ 3-мъ вѣкѣ нѣкоторые христіане изображали фигуру креста даже у себя на лбу; по этому признаку ихъ узнавали во время гоненій и предавали на мученія.

Отъ половины 3-го вѣка сохранилось одно изображеніе (на сосудѣ) человѣческаго лица съ крестомъ на челѣ.

Изъ актовъ VII вселенскаго собора извѣстно, что въ царствованіе Деоклітіана (IV в.) мученики Проконій и Орестъ носили изображеніе креста на груди.

Язычники называли христіанъ въ насмѣшку крестопоклонниками (*crucicolae*), предполагая, что христіане чтутъ крестъ, какъ фетишь или какъ идолъ.

Вообще до самой эпохи Константина Великаго христіане удерживались отъ изображенія креста Христова въ его дѣйствительной формѣ, а тѣмъ болѣе—отъ изображенія его вмѣстѣ съ Распятымъ.

На предметахъ, сохранившихся отъ трехъ первыхъ вѣковъ и найденныхъ при раскопкахъ въ Римѣ и Помпѣхъ, встрѣчаются, большею частью, лишь аллегорическія изображенія креста и распятія: Авель, убиваемый Каиномъ, Исаакъ, приносимый въ жертву Авраамомъ, Моисей, молящійся съ крестообразно распростертыми руками, мѣднѣй змій, воздвигнутый въ пустынь, пророкъ Исаія, перетираемый пилою, пророкъ Иона, молящійся съ распростертыми руками, во чревѣ китовомъ, еврейскій пасхальный агнецъ и другіе вѣтхозавѣтные прообразы крестной смерти Спасителя.

До конца V-го вѣка на крестѣ не было изображенія Распятаго; иногда только близь креста помѣщался символъ Иисуса Христа — агнецъ.

Сначала изображали крестъ на агнцѣ; затѣмъ слѣдуютъ изображенія агнца при крестѣ (особо отъ него) или надъ крестомъ, иногда въ группѣ другіхъ 12 агнцевъ (апостоловъ).

Къ началу VI-го вѣка агнецъ изображается подъ крестомъ, на алтарѣ, какъ бы готовый къ закланію.

Нѣсколько позже онъ изображается на тронѣ, подъ богато украшеннымъ крестомъ; изъ его прободенной груди и изъ четырехъ ногъ льется кровь.

Наконецъ агнецъ сталъ изображаться на самомъ крестѣ, по его срединѣ, какъ бы распятымъ.

Трульскій соборъ (691—692 г.) категорически воспретилъ такія изображенія, послѣ чего они долго совсѣмъ не встрѣчаются.

Одновременно съ изображеніями агнца съ крестомъ и при крестѣ, или позже, было въ употребленіи изображеніе Иисуса Христа съ распростертыми руками, но безъ креста.

Въ той, или другой, формѣ крестъ былъ уже повсемѣстно въ употребленіи въ Римской имперіи.

Самъ Константинъ возложилъ золотой крестъ на гробницу апостола Петра въ Римѣ.

Энделехій, аквитанскій поэтъ IV в., упоминаетъ о христіанскомъ добромъ пастырѣ, крестомъ охраняющемъ свое стадо.

Въ 4-мъ же вѣкѣ крестъ значится на монетахъ императоровъ Валентиніана и Проба.

Императоръ Валентиніанъ 3-й и его супруга (V вѣка) имѣли кресты на своихъ коронахъ.

Въ V вѣкѣ стали помѣщать крестъ въ началѣ дипломовъ и другихъ официальныхъ документовъ, вмѣсто призванія имени Божія, а также предъ именною подписью всякаго рода актовъ; позже, вмѣсто подписи имени, стали ставить три креста, что называлось на юридическомъ языкѣ *сигсе subscribere*. Кто нарушалъ подписанный крестъ договора, тому назначалось двойное наказаніе.

Крестъ ставился подъ рецептами врачей,

на могилахъ, подъ обозначеніемъ года чей-либо кончины.

Съ V вѣка встрѣчаются, — въ церковномъ употребленіи и въ домашней жизни христіанъ, — кресты съ изображеніемъ на нихъ Иисуса Христа, но еще не распятаго. Такъ, на ватиканскомъ крестѣ, роскошно украшенномъ, находится поясное изображеніе Спасителя; въ крестахъ подаренныхъ папою Григоріемъ Великимъ Теодоліидѣ, изъ цвѣтовъ, которыми они украшены, поверхъ крестовъ, виднѣется голова Иисуса Христа, окруженная сіяніемъ, чаще Иисусъ Христосъ изображается стоящимъ на подножіи Креста, въ торжественной и величественной позѣ, какъ *Deus regnans* Богъ—Царь съ тѣми или другими знаками царской власти.

Изображеніе креста съ Распятымъ на немъ Иисусомъ Христомъ, по мнѣнію однихъ, получило начало въ послѣдней четверти VI в., по мнѣнію другихъ въ періодъ времени отъ VII до IX вѣка.

Въ настоящее время самымъ древнимъ изображеніемъ съ Распятымъ признано находящееся въ дверяхъ Сабинны въ Римѣ, относящееся къ V—VI в.; что согласно и съ свидѣтельствами письменныхъ памятниковъ (Григорій Турскій).

Особенность первыхъ по времени распятій состоитъ въ томъ, что на нихъ Иисусъ Христосъ изображается большею частью съ открытыми глазами, съ лицемъ спокойнымъ и величественнымъ; не ранѣе, какъ въ эпоху возрожденія, выраженіе лица становится страдальческимъ.

На Востокѣ Распятый изображается всегда съ небольшою темною бородою, съ длинными волосами; на западѣ, до готическаго періода, большею частію безъ бороды, позже съ бородою; въ западныхъ изображеніяхъ иногда на головѣ Его корона, въ восточныхъ (съ XI в.) голова окружена нимбомъ. Начиная съ сирскаго евангелія 586 г., и въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, Распятый изображается обыкновенно въ длинной одеждѣ съ рукавами или въ античной туникѣ, иногда въ пурпурной мантии, покрывающей все тѣло, — рѣдко — въ препоясаніи по чресламъ; послѣдній способъ изображенія становится преобладающимъ съ эпохи возрожденія.

Во многихъ распятіяхъ, вмѣсто подножія, подъ ногами Распятаго, находятся разные символы, напримѣръ чаша, въ которую падаютъ капли крови, Адамъ, встающій изъ земли, изъ подъ креста, человѣчeskій черепъ (т. е. глава Адама), голова съ яблокомъ во рту или съ обвивающимся вокругъ нея змѣемъ.

Терноваго вѣнца нѣтъ ни на одномъ распятіи ранѣе XIII в.

Дощечки съ написаніемъ вины въ древнѣйшихъ распятіяхъ вовсе нѣтъ.

Начиная съ V в. распятіе изображается съ полною или не полною обстановкою его, о которой говорится въ евангеліи; при Распятомъ изображаются: 1, Богоматерь и Іоаннъ Богословъ,

часто также Марія Магдалина, Соломонія, Марія мать Іакова, Никодимъ, Іосифъ Аримаѳейскій; 2, распятыя разбойники—покаявшійся (въ изображеніи V и VI в.—благообразный юноша) по лѣвую сторону (отъ зрителя) и не покаявшійся (съ бородой съ свирѣпымъ видомъ)—по правую; 3, воины—подавшій Іисусу Христу укусъ и прободающій его, сотникъ, группа воиновъ, бросающихъ жребій объ одеждѣ Іисуса Христа; 4, померкшія свѣтила небесныя, то въ видѣ своихъ астрономическихъ изображеній, то въ видѣ аллегорическихъ (юноши съ факелами и т. п.); 5, Церковь и синагога, въ образахъ женщинъ, съ атрибутами, указывающими на торжество первой и паденіе второй; 6, жизнь и смерть, въ образахъ женщинъ, съ соответственными эмблемами; 7, скорбящіе ангелы, парящіе въ воздухѣ надъ Распятымъ; 8, ангелы и діаволы; первые стремятся къ покаявшемуся разбойнику, вторые—къ непокаявшемуся; 9, Голгоѳа, въ видѣ скалы или простаго возвышенія; внутри ея съ IX вѣка изображается черепъ (Адамова голова), иногда съ двумя накрестъ лежащими подъ нимъ костями; 10, іудеи и эллины, изумленные явленіями природы, бывшими въ моментъ смерти Іисуса Христа; 11, возстаніе мертвыхъ въ Іерусалимѣ, въ тотъ же моментъ; 12, городъ Іерусалимъ.

Съ XII вѣка крестъ имѣлъ нерѣдко на западѣ видъ сдѣланнаго не изъ брусевъ, а изъ дерева въ его натуральномъ видѣ, съ вѣтвями; въ XIII—XIV в. распятіе иногда изображалось въ видѣ „древа жизни“, съ усвоенными ему иконописными атрибутами; въ томъ и другомъ случаѣ по сторонамъ Распятаго въ вѣтвяхъ помѣщались пророки со свитками, а въ корнѣ дерева—Моисей.

На западѣ, у католиковъ и христіанъ другихъ вѣроисповѣданій, практикуется почти исключительно и повсемѣстно крестъ четырехконечный; лишь въ XIII—XV в. в. былъ также въ большомъ, и нерѣдко преимущественномъ, особенно при папскомъ и епископскомъ богослуженіи, употребленіи крестъ восьмиконечный.

Результаты новѣйшихъ западныхъ открытій и изслѣдованій въ области церковной археологіи склоняютъ рѣшеніе вопроса о формѣ креста въ сторону полнаго безразличія трехъ, указанныхъ выше, формъ креста.

О крестномъ знаменіи, т. е. изображеніи креста рукою на себѣ или на какой либо вещи, извѣстно слѣдующее. Въ первоисточникахъ церковной исторіи о немъ говорится, какъ объ обычаѣ, вѣдущемъ свое начало отъ временъ Апостольскихъ. Древнѣйшія письменныя свидѣтельства о немъ принадлежатъ Тертуллиану и Киприану.

Обыкновенно крестное знаменіе дѣлается правую рукою, персты которой возлагаютъ сначала на лобъ, потомъ на грудь, на одно плечо

и на другое (католики—сначала на лѣвое плечо, православные сначала на правое). Католики не дѣлаютъ никакого особаго перстосложенія для крестнаго знаменія, православные же складываютъ персты большой, указательный и средній, протягивая ихъ, а персты безымянный и малый, также соединенные, пригибаютъ къ ладони. Это такъ называемое троеперстіе, отвергаемое русскими старообрядцами, которые признаютъ только двоеперстіе—складываютъ протяжно лишь указательный и средній персты, а большой присоединяютъ къ двумъ меньшимъ.

По этому предмету какъ у православныхъ, такъ и у старообрядцевъ существуетъ обширная литература. Въ настоящее время въ литературѣ православной, на основаніи точныхъ археологическихъ данныхъ, господствуетъ мнѣніе, что въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ въ церкви существовало и троеперстіе и двуперстіе и даже единоперстіе: (когда простертымъ оставался одинъ перстъ—указательный, а остальные пригибались вмѣстѣ къ ладони); смотря по тому, какую догматическую идею хотѣли выразить—ученіе о троичности лицъ въ Богѣ, ученіе о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ или идею единства Божія.

Церковь православная, установивъ канонически, на соборахъ 1666—1667 г. г. и др., троеперстіе, какъ форму наиболѣе правильную, никогда, однако, не усвоила той, или другой формѣ перстосложенія для крестнаго знаменія значенія догмата, какъ это дѣлаютъ старообрядцы, отстаивающіе двоеперстіе также на основаніи археологическихъ данныхъ (старинныхъ иконъ и рукописей), односторонне подобранныхъ и истолкованныхъ.

Сдѣлавъ отступленіе, продолжаемъ описаніе нашего посѣщенія крестнаго или страстнаго пути.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится арка „се человекъ“, во времена земной жизни Спасителя былъ домъ Пилата. Пилатовъ домъ нынѣ обращенъ въ турецкія казармы; нѣкоторые изъ древнихъ поклонниковъ упоминаютъ о лиеостротонѣ, называя его высокимъ мраморнымъ крыльцомъ; это былъ входъ въ преторію, гдѣ, какъ говоритъ св. Евангеліе, возсѣлъ Пилатъ судить Судію живыхъ и мертвыхъ. Теперь нѣтъ даже и слѣдовъ лиеостротона: время все уничтожило. Внутри зданія указываютъ ту комнату, въ которой происходилъ судъ надъ Верховнымъ Судіею.

Недалеко отъ дома Пилатова, на другой сторонѣ улицы, т. е. на правой, если итти отъ воротъ геесиманскихъ, находится мѣсто бичеванія, прежде здѣсь былъ домъ, въ которомъ помѣщались Пилатовы воины. Мѣсто это теперь принадлежитъ французамъ; они обновили построенную въ древности на этомъ мѣстѣ св. Паринею Еленою церковь. Съ улицы, чрезъ небольшую дверь, можно войти на вымощенный неболь-

шой дворъ. Внутри церкви продолговатая и невысокая со сводами; подъ открытымъ алтаремъ, на мраморномъ помостѣ, видно мѣсто, отмѣченное чернымъ кругомъ; это мѣсто бичеванія, обгоревное Божественною кровію Искупителя міра. Самое зданіе состоитъ изъ двухъ частей; надъ входомъ въ одну часть его, въ длину всей стѣны, сдѣлана крупными словами на латинскомъ языкѣ надпись изъ Евангелія: *Пилатъ взявъ Іисуса и бичевалъ*; надъ входомъ въ другую часть церковнаго зданія такая же надпись изъ Евангелія: *и сплетше возложиша на Него терновый вѣнецъ*. Внутри этой части зданія находится небольшая продолговатая комната, въ которой Спаситель преданъ былъ поруганію воиновъ и черни. Мѣсто это въ настоящее время принадлежитъ францисканцамъ.

Пройдя отъ мѣста бичеванія вверхъ по той же улицѣ около 150 шаговъ, мы видимъ вышеупомянутую арку, перекинутую чрезъ улицу; эта арка соединяла дворецъ Пилата съ зданіемъ, находившимся противъ него. Здѣсь французами устроенъ домъ сестеръ милосердія съ церковію; надъ аркою надстроена крытая галлерея съ окнами. По преданію, арка эта находится на томъ самомъ мѣстѣ, на которое Пилатъ вывелъ Божественнаго Страдалца, Облитаго кровію, въ багряницѣ поруганія и терновомъ вѣнцѣ и, показавъ Его народу, воскликнулъ: «се человекъ!» Въ древнія времена на этой аркѣ существовала надпись: «се человекъ», и другая: «возьми, возьми, распни Его».

Надъво подъ самою аркою показываютъ небольшое углубленіе въ стѣнѣ. Говорятъ, что Пресвятая Богоматерь здѣсь ожидала окончанія суда Пилатова. Съ этой арки правители Иерусалима объявляли свои указы и приговоры и выслушивали просьбы народа.

Теперь въ галлереѣ надъ аркою въ одной изъ комнатъ живетъ турокъ. Отойдя отъ арки болѣе 100 шаговъ, при поворотѣ улицы налѣво, видимъ мраморную колонну. Здѣсь, по мнѣнію католиковъ, было первое паденіе Господа, Изнемогающаго отъ истязанія и тяжести Креста; въ этомъ мѣстѣ выходитъ изъ-за дома Пилата небольшая переулокъ. Преданіе говоритъ, что Богоматерь, видя несправедливое осужденіе Невиннаго, хотѣла просить милости у Пилата, но воины грубо оттолкнули Ее; желая еще разъ увидѣть своего Сына, Она устремилась на встрѣчу Его крестнаго шествія, пройдя этимъ переулокъ.

Кто изобразить чувства Матери при видѣ Окровавленнаго и Истерзаннаго Божественнаго Сына Ея?.. На этомъ мѣстѣ была церковь, построенная св. Царицею Еленою. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого улица поворачиваетъ влѣво и идетъ мимо распяннаго у зорами дома евангельскаго богача. Близъ этого мѣста Господа, Изнемогающаго подъ тяжестью Креста, встрѣтилъ Симонъ Киринейскій, удостои-

вшійся понести крестъ Спасителя міра; мѣсто это обозначено углубленнымъ въ стѣнѣ камнемъ особаго цвѣта.

Слѣдуя далѣе крестнымъ путемъ, указываютъ мѣсто дома блаженной Вероники, сподобившейся, какъ говорить преданіе, отереть полотенцемъ окровавленное Лице Спасителя.

Далѣе указываютъ мѣсто второго паденія Божественнаго Крестоносца; оно обозначено лежащею колонною и на ней огромнымъ камнемъ.

Наконецъ указываютъ далѣе судные ворота, отъ которыхъ видны лишь остатки. Справедливѣе несомнѣнно считать остатками судныхъ воротъ то, что подъ этимъ именемъ существуетъ въ русскихъ раскопкахъ. Но такъ какъ вопросъ о судныхъ воротахъ и вообще о положеніи Иерусалима временъ Спасителя еще ждетъ своего исполнѣна научнаго разрѣшенія, то нельзя совершенно не обращать вниманія на латинскія преданія, приходится пока руководиться ими.

Во время Спасителя Иерусалимъ съ западной стороны, по мнѣнію католиковъ, оканчивался этими воротами (а Голгофа была за городскими стѣнами); здѣсь читали приговоры осужденнымъ на смерть. Такъ было сдѣлано и съ Спасителемъ міра; въ воспоминаніе этого событія у стѣны ближайшаго дома стоитъ колонна, къ которой, какъ говорятъ, былъ прибитъ приговоръ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ судныхъ воротъ указываютъ вдланную въ стѣнѣ древнюю капитель, обозначающую то мѣсто, гдѣ Спаситель сказалъ, обращаясь къ слѣдующимъ за Нимъ плачущимъ женщинамъ, чтобы онѣ плакали не о Немъ, а о себѣ.

Далѣе нельзя ити страстнымъ путемъ: онъ застроенъ домами;—надо обходить. Не доходя шаговъ 15 дома Воскресенія Христова, находимъ колонну, означающую третье паденіе Христа Спасителя. Этимъ кончается страстный путь.

Изложивъ описаніе крестнаго пути, приступимъ къ описанію страданій Искупителя, которыя Онъ претерпѣлъ на этомъ пути для спасенія всѣхъ насъ.

Когда Господа привели къ Пилату, то бархіереи и старцы начали злословить Его, называя возмутителемъ, запрещающимъ давать дань кесарю, именующимъ себя посланникомъ Божіимъ и царемъ; на хулы ихъ и на вопросъ Пилата Господь ничего не отвѣчалъ; это удивило Пилата, и онъ сказалъ архіереямъ и народу, что никакой вины не находятъ въ человекѣ семъ; они же возражали, настаивая на своемъ, что онъ повсюду возмущаетъ народъ. Узнавъ, что Господь родомъ изъ Галилеи, Пилатъ послалъ Его къ правителю Галилеи Ироду, къ тому самому Ироду, который, по просьбѣ жены брата своего, велѣлъ отсѣчь голову Іоанна Крестителя. Иродъ давно желалъ видѣть Господа,—онъ много слышалъ о чудесахъ, совершаемыхъ Имъ; надѣясь быть очевидцемъ какого либо чуда,

онъ предлагалъ Ему разные вопросы, но Господь не удостоилъ его никакою отвѣта. Стоявшіе тутъ же архіереи и книжники не переставали злословить Господа. Иродъ съ своими царедворцами, насмѣявшись надъ Господомъ, велѣлъ одѣть Его въ свѣтлую одежду поруганія и отослалъ обратно къ Пилату, съ которымъ до этого времени былъ во враждѣ; съ этого дня они стали друзьями.

Когда Господа отъ Ирода привели къ Пилату, то этотъ послѣдній, созвавъ архіереевъ, правителей народныхъ и весь народъ, сказалъ имъ: „привели вы ко мнѣ этого человѣка, какъ возмутителя; вотъ я предъ вами допрашиваю Его, но не нашелъ въ Немъ никакой вины; Иродъ, къ которому я посылалъ Его, тоже не нашелъ въ немъ ничего заслуживающаго смерти. Я накажу Его и отпущу, такъ какъ есть обычай на каждый праздникъ отпускать одного изъ преступниковъ“. Но враги Христовы и научаемый ими народъ, всѣ стали требовать освобожденія разбойника Вараввы, а Господа—погубить. Въ это время жена Пилата прислала сказать ему, чтобы онъ не судилъ праведника, такъ какъ въ сонномъ видѣніи она много пострадала за него. Неизвѣстно, что именно видѣла во снѣ жена Пилата; но несомнѣнно, что ей открыто было о Божественномъ Лицѣ Иисуса и страшной участи, ожидающей враговъ Его. (У нѣкоторыхъ древнихъ христіанскихъ историковъ упоминается, что имя жены Пилата было Клавдія Прокулла и что она послѣ сдѣлалась христіанкою и сподобилась мученическаго вѣнца, а Пилатъ кончилъ жизнь свою въ заточеніи самоубійствомъ. Онъ правилъ Иудеею съ 21 до 36 г. по Р. Х.—Объ Иродѣ говорится, что онъ тоже кончилъ дни свои въ изгнаніи самоубійствомъ).

Пилатъ, желая удовлетворить злобу враговъ Иисусовыхъ, повелѣлъ подвергнуть Его жестокому наказанію—бичеванію.

Бичи дѣлались изъ веревокъ или ремней, съ вшитыми въ нихъ острыми палочками; наказаніе это было такъ тяжело, что нерѣдко изъязвляемые умирали подъ ударами, число которыхъ составлялось усмотрѣнію воиновъ. Бичеваніе составляло родъ увеселенія для этихъ грубыхъ людей и совершалось на дворѣ прокуратора, куда во время страданій Господа была созвана большая часть военной сперы, или когорты, заключающей въ себѣ отъ 400 до 610 человѣкъ.

Страданія Господа были такъ жестоки, что слухъ человѣческой едва выносить описаніе ихъ; сердце болѣзненно содрогается, сочувствуя столь невыносимымъ мученіямъ.

Господь, какъ упоминаетъ св. Димитрій Ростовскій (ч. 1. стр. 220—274; 1846 г.); во время бичеванія былъ обнаженъ и, безъ всякаго принужденія обнявъ столбъ, крѣпко былъ привязанъ къ нему; такъ жестоко били Его, что Пречистое

Тѣло Его, избитое до костей и почернѣвшее, отпадало и висѣло, а кровь изобильно истекала на землю.

Когда Божественный Страдалецъ отвязанъ былъ отъ мучительнаго столба, то отъ полнаго изнеможенія упалъ на землю; вмѣсто одежды Онъ былъ покрытъ ранами и облитъ Своею Кровію.

Послѣ лютѣйшихъ мученій Господь, всѣми осмѣянный и поруганный, собиралъ Свои одежды, далеко отброшенные отъ Него. Была зима, а потому Господь трясся отъ невыносимыхъ страданій и холода.

Свирѣпые воины, не довольствуясь столь жестокими мученіями Невиннаго Страдалца, заставляли Его представить лице ложнаго царя, на Его Пресвятое и изъязвленное Тѣло они набросили багряницу, или хламиду червленную; эта одежда имѣла видъ короткаго плаща, ее носили лишь военачальники. Та хламида, въ которую облекли Господа, была, вѣроятно старая, изношенная и покрывала только половину обнаженнаго Тѣла Господа. Все это было сдѣлано для поруганія надъ Божественнымъ Страдалцемъ за то, что, по ихъ мнѣнію, Онъ домогался царскаго достоинства.

Не довольствуясь этимъ, жестокіе воины сплели изъ колючаго терновника вѣнокъ, возложили его на Божественную Главу Жизнодавца и по увѣнчанной Главѣ били палками. Вѣнокъ нѣсколько разъ снимали и возлагали; при этомъ колючія иглы терновника вонзались въ голову, каждый разъ дѣлали новыя раны, источавшія Кровь.

Поруганному Божественному Страдалцу не доставало еще послѣдняго знака царскаго достоинства—скиптра; одинъ изъ воиновъ, издѣвавшихся надъ Долготерпѣливымъ Господомъ, вложилъ въ руку Его тростниковую палку.

Продолжая насмѣхаться надъ Господомъ, преклоняли колѣна, какъ бы воздавая Ему царскую почесть, и говорили: „радуйся, царь іудейскій!“ плевали на Него, брали изъ рукъ Его трость и били Его по Пресвятой Главѣ Его, увѣнчанной терніемъ, и по Пресвятому Лицу Его; все Пречистое Божественное тѣло Его,—уста, ланиты (щеки), все Пресвятое Лице Его и шея были жестоко избиты желѣзными орудіями; ноздри Его ощущали нестерпимый смрадъ, исходившій отъ мерзкихъ и скверныхъ плевковъ, которыми было покрыто все Его Лице. Его безъ сожалѣнія ударяли о каменный столбъ; трогали и влачили за пресвятыя волосы, жестоко били по ногамъ и колѣнамъ, однимъ словомъ отъ ногъ до головы не было ни одного цѣлаго мѣста,—все было покрыто сплошными ранами. Изъ всего тѣла обильно истекала Пресвятая кровь.

Пилатъ, вышедши изъ преторіи и увидѣвъ полуживаго Иисуса Христа, Истерзаннаго, Обли-

таго Кровью, въ одеждѣ поруганія, въ терновомъ вѣнцѣ, удивился такой безчеловѣчной суровости мучителей; надѣясь, что іудеи тронутся столь жалкимъ видомъ Невиннаго Страдальца и удовольвлятся ужасными истязаніями, которыя Онъ претерпѣлъ, Пилать вывелъ Его къ народу и произнесъ „се человекъ!“ Но архіереи, книжники и ихъ слуги и наущаемый ими народъ, съ злобною яростію кричали: „распни, распни Его!“ Видя такое ихъ ожесточеніе, Пилать сказалъ имъ: „возмите и распните сами Его, а я не нахожу въ немъ никакой вины, заслуживающей смерти“. На это іудеи отвѣчали: у насъ есть свой законъ, по которому Онъ долженъ умереть, потому что Онъ называетъ себя Сыномъ Божіимъ.

Пилать, страшившійся за послѣдствія производимаго имъ суда, услышавъ это, еще болѣе убоялся и, вошедши съ Иисусомъ снова въ преторъ, спросилъ Его, откуда Онъ? Пилать зналъ, что Иисусъ изъ Галилеи, а потому вопросъ этотъ выражалъ желаніе его знать, что за человекъ, предстоящій суду его. Господь не отвѣчалъ Пилату. Пилать воскликнулъ: мнѣ ли не отвѣчаешь, или Ты не знаешь, что власть имѣю распять Тебя и пустить? На это Господь возразилъ ему: никакой власти не имѣешь, если бы тебѣ не было дано свыше, но предавшіе Меня тебѣ большій отвѣтъ дадутъ.

Пилать, убѣжденный въ невинности Иисуса, искалъ случая къ освобожденію Его. Видя это, враги Христовы прибѣгли къ новому коварству; зная малодушіе Пилата, они угрожали ему, что, если онъ отпуститъ Иисуса, то уже не будетъ другомъ Кесаря, потому что всякій, именующій себя царемъ, — противникъ Кесаря.

Слова эти, сказанныя всѣми членами синедриона публично, понудили Пилата, противъ совѣсти и убѣжденія, вновь начать судъ надъ Иисусомъ. Изведши Его вонъ и сѣвъ на мѣстѣ, называемомъ лиоостротонъ, Пилать сказалъ Іудеямъ, указывая на Иисуса: Се царь вашъ! Но они злобно кричали; возьми возьми, распни Его! Царя-ли вашего распну?, возразилъ имъ Пилать. Не имѣемъ царя, кромѣ Кесаря, отвѣчали они. Настойчивость ихъ превозмогла нервѣстность Пилата.

Видя, что убѣжденія его не дѣйствуютъ и что народъ, наущаемый архіереями и книжниками, болѣе и болѣе неистовствуетъ, Пилать, по тогдашнему обычаю, въ знакъ своей невинности въ несправедливомъ этомъ осужденіи, взявъ воду, умылъ предъ народомъ руки и сказалъ: неповиненъ я въ Крови Праведника сего, вы увидите. Они отвѣчали: кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ! тѣмъ и кончился судъ надъ Судією міра.

Тогда іудеи, какъ кровожадные звѣри, устремились на Иисуса Христа. Снявши съ Господа багряницу поруганія, войны одѣли Его въ собственныя Его одежды, возложили на Него

Крестъ и повлекли на распятіе между разбойниками, какъ злодѣя. Отъ тяжести креста при движеніи изнемогало тѣло Божественнаго Страдальца и раздирались раны Его, такъ что Онъ, совершенно изнемогши подъ бременемъ Креста и ударами мучителей, упалъ на землю. Враги снова безъ всякой милости били Его; видя, что Онъ уже не могъ болѣе нести Креста, возложили Крестъ Его на нѣкоего Симона Киринаянина, который случайно встрѣтился при возвращеніи съ поля. И такъ, Симонъ одинъ изъ смертныхъ сподобился столь великой чести — понести собственный Христовъ Крестъ!

10. Пещера Богоматери. Виванія. Іерихонъ. Іорданъ. Мертвое море.

Около 2 хъ часовъ дня мы возвратились на рускія постройки, въ свои номера, подкрѣпиться обѣдомъ; въ 3 часа в. на 8-ми тройкахъ въ очень удобныхъ рессорныхъ экипажахъ, напомнимающихъ наши крымскіе, мы направились въ Іерихонъ. Быстро покатали мы по знакомой дорогѣ, мимо дамасскихъ и иродовыхъ воротъ, Геесиманіи, къ потоку кедровскому, въ долину Тосафатову. Дорога все время вилась змѣей по склонамъ высокихъ горъ. Шоссе вполне исправное, ровное и гладкое, какъ полотно, было въ опасныхъ мѣстахъ, на поворотахъ, надъ пропастями ограждено грудой крупныхъ камней, сложенныхъ на подобіе стѣны.

По ту сторону идущая въ гору дорога ведетъ къ пещерѣ или Храму Богоматери.

Около этой пещерѣ мы остановились. Множество прокаженныхъ, преимущественно женщинъ, иногда совершенно изуродованныхъ, окружили насъ, съ жалобными причитаніями прося милостыни; правда, прокаженные не подходили къ намъ близко, но мы были предупреждены, что стоить только подать несчастнымъ хотя самую маленькую монету, какъ они безъ всякаго стѣсненія будутъ не только прикасаться, но хватать за одежду, руки и ноги и не отстануть, пока не получатъ подаенія; такимъ образомъ легко можно заразиться проказою. Въ виду этого, какъ многимъ изъ насъ ни хотѣлось хоть чѣмъ нибудь помочь прокаженнымъ, мы не рѣшились подать имъ милостыни. Пройдя мимо ихъ и только взорами показывая имъ сочувствіе, мы вошли въ пещеру Богоматери. Эта пещера, или храмъ Богоматери, извнѣ напоминаетъ прислоненный къ гребню горы погребъ, съ большими двухстворчатыми желѣзными дверями въ готическихъ аркахъ; стѣны пещеры, сложенные изъ массивныхъ камней, заросли мхомъ. Широкая, мраморная лѣстница, въ 50 ступеней, ведетъ въ глубь одѣтой мраморомъ пещеры, только внизу освѣщенной множествомъ лампадъ. На глубинѣ 20 ступеней площадка, съ двумя престолами надъ могилами родителей Пресвятой Дѣвы, Св. Іоакима и Анны, и съ однимъ

престоломъ Иосифа обручника. Еще ниже храмъ съ полукрытыми сводами, въ восточной сторонѣ котораго возвышается кувукля, около 1 сажени въ квадратъ, изъ пѣльной природной скалы, отдѣленной отъ окружающихъ скалъ; мраморомъ одѣто то мѣсто, которое служило гробницею Богоматери.

При совершеніи литургіи гробница служитъ престоломъ, а жертвенникъ, вѣ кувукли, приклоненъ у входныхъ южныхъ дверей. На самой гробницѣ литургію вправѣ совершать только православные и католики; копты и сирійцы имѣютъ свои небольшіе придѣлы. Католики совершаютъ литургію и на престолахъ св. Иоакима и Анны.

Построенный св. Еленою одновременно съ храмомъ св. Гроба Господня, разрушенный и затѣмъ возстановленный въ 1161 г., храмъ гробницы Богоматери сохранился до нашихъ дней, благодаря почитанію магометанами Пресвятой Дѣвы. Всѣ мы благоговѣно преклонились предъ гробницею Богоматери и облабызали ее.

Выйдя изъ пещеры Божіей Матери, мы съли на свои экипажи и направились далѣе.

Миновавъ еврейское кладбище, вѣхали мы въ Виванію, — мѣсто жительства Лазаря, друга Господня и его благочестивыхъ сестеръ Маріи и Марѳы (Ев. Іоан. 11, 1—44), откуда открылся чудный видъ на Іерусалимъ, опоясанный нерушимой твердыней, древнею стѣною съ зубчатыми башнями и громадныи воротами.

Въ Виваніи та же библейская обстановка, какъ и во времена земной жизни Христа, тѣ же первобытныя клѣтушки изъ дикаго камня, часто безъ всякой кровли (на подобіе загоновъ для скота), безпорядочно, тѣсно лѣпятыя другъ возлѣ друга; дѣти полубогаженные, загорѣлые рѣзвятся, грѣются на солнцѣ; неподалеку пасутся стада мелкихъ черныхъ козъ и какихъ то мѣстныхъ неуклюжихъ рыжихъ барановъ, доводящихъ скудными пастбищами по склонамъ каменныхъ горъ и въ ущельяхъ.

Въ Виваніи находится гробъ праведнаго Лазаря, воскресеннаго Господомъ на четвертый день послѣ его смерти. Чтобы посѣтить гробъ Св. Лазаря приходится по двадцати скользкимъ ступенькамъ, въ совершенной темнотѣ, съ свѣчей въ рукахъ, по узкой крутой лѣстницѣ спускаться въ маленькую пещеру, состоящую изъ двухъ отдѣленій. Въ первомъ отдѣленіи, говорятъ, въ древности находился храмъ во имя св. Лазаря; за тоненькой каменной пергородкой находится мѣсто, гдѣ лежало тѣло умершаго Лазаря. Поклонившись гробу четверодневнаго Лазаря, мы поднялись на верхъ, съли на свои экипажи и поѣхали по направленію къ Герихону.

Дальнѣйшій путь отсюда пошелъ дикою горною дѣрею, настоящею каменистою пустынею, пересекая рядъ обнаженныхъ холмовъ и слѣдуя, мѣстами, тропкою, высѣченною прямо въ скалѣ.

Недалеко отъ Виваніи мы встрѣтили источникъ чистой воды, называемый Апостольскимъ; по преданію изъ этого источника утолялъ жажду Господь и св. Апостолы. Около Апостольскаго источника мы сдѣлали небольшоіи раздѣлъ, наши кучера напоили своихъ лошадей и потомъ мы снова пустились въ путь.

На серединѣ пути между Іерусалимомъ и Герихономъ открылись развалины древняго хана Гадрурь, гдѣ мы, конечно, сдѣлали новый приваль. Развалины четырехугольнаго хана, — окруженные изсѣченнымъ въ скалѣ рвомъ, съ небольшою цистерною и нѣсколькими сохранившимися помѣщеніями, въ которыхъ нынѣ обитаютъ только ящерицы, скорпионы, летучія мыши и горныя совы. По преданію это мѣсто представляетъ развалины монастыря, построеннаго въ память самарянина, оказавшаго истинную любовь къ ближнему. Полагаютъ, что притча Спасителя о Милосердномъ Самарянинѣ взята была изъ дѣйствительнаго происшествія, совершившагося здѣсь.

Дальнѣйшій, послѣ остановки, путь пошелъ по мѣсту, откуда начинаются спуски съ вершины горной Іудеи въ глубокую долину Іордана, лежащую ниже уровня Средиземнаго моря; на протяженіи нѣсколькихъ верстъ надо сдѣлать огромный спускъ, а потому не мудро, что по обѣимъ сторонамъ дороги начинаютъ вырисовываться страшныя кручи и овраги, образуемые дикими ущельями и трещинами, выходящими изъ толщи Іудейскихъ горъ. На этомъ отрѣзкѣ пути чаще, чѣмъ раньше, встрѣчаются небольшіе остатки древностей, не привлекающіе уже особаго вниманія ученыхъ, и слѣды римскаго шоссе, которымъ нѣкогда шли быстрыя колесницы тамъ, гдѣ нынѣ еле пробирается уже привычный палестинскій конь. Для этихъ колесницъ были выстроены на опасныхъ скатахъ небольшія защитныя стѣнки, окоймляющія крутые обрывы ужасающей глубины. Съ дороги, въ лѣвой отъ нея сторонѣ, видны горы іудейскія; между ними отличается исполинская гора Искушенія, или сорокодневная, прославленная сорокодневнымъ подвигомъ поста и молитва Христа Спасителя; здѣсь искушитель — дьяволъ дерзнулъ предстать предъ Господомъ.

(До слѣдующаго №—ра.)

Въ помощь русскимъ переселенцамъ *).

I.

За вечернимъ богослуженіемъ.

Сегодня и завтра, за всѣми богослуженіями праздника Св. Троицы, по распоряженію Св. Синода, произ-

*) Слова передъ сборомъ пожертвованій на устройство храмовъ для русскихъ переселенцевъ Сибиріи и Дальняго Востока, въ праздникъ Св. Троицы (Сборъ—по распоряженію Св. Синода).

Братство Воскресенія Христова (Москва, Епарх. домъ) съ благодарностью принимаетъ во всякое время всякія—денежныя и вещественныя (св. иконы, облачения, церк. утварь, книги) пожертвованія для переселенческихъ приходовъ Сибиріи. На каждое пожертвованіе выдается упомянутымъ лицомъ квитанція.